

ЛИБЕЛСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НЕОФИЛОЛОГИЗМНЕ—1975

Лавел Линский

КАНРОВЕ СВОЕОБРАЗНЕ ЭПОСА ШОЛОХОВА

Типологически "Тихий Дон" принадлежит к роману-эпопее. Это третья — из основных — историческая разновидность эпического жанра, пришедшая на смену эпосу древности и сатиро-героико-утопическим эпопеям Ренессанса. Книгу Шолохова объединяют с другими романами-эпопеями мировой литературы одно жанровое содержание и специфическая поэтика: проблемы социальной разделенности нации, человечества и необходимости преодоления этой разделенности; изображение народа в его движении от неэпического состояния к состоянию подлинно эпическому; наличие переходного индивидуального героя, "протос-раннеевропейского" и внутренне преодоление которого пределов своего частного существования составляет основу плоть повествования; двуплановость, отражающая проблематичную сопряженность "мира частного" и мира общего, истории и человека; система движущихся антигез в освящении идеала исконной социальной гармонии; идиологич по отношению к предшествующей истории и литературе реализм, трагедийный и одновременно открытый в будущее.

Эволюция романа-эпопеи, развивающаяся вот уже более столетия, можно наблюдать в разных аспектах. Говоря, например, о движении поэтики, нельзя не учесть новаторской книги Н. Языкевича "Хвала и слава", в которой история раскрывается в формах субъективно-диалектического повествования. Канровое своеобразие "Тихого Дона": почти все советские и зарубежные ученые усматривают в его глубокой народности и в этом аспекте сопоставляют его с другими монументальными произведениями. Следует продолжить эту подготовленную работу в плане, предлагаемом самим материалом: изменение места, занимаемого народом в структуре реалистической эпопеи, преодоление его идеализации и усиление его поэтизации.

"Тихий Дон" поражает каким-то необычным изображением народной жизни. В читателе любой социальной и национальной принадлежности, разной культуры внятно входит мощное, всеохватывающее чувство того, что во всей панораме всемирно-исторических и отчасти мировых событий, так широко воссозданных в эпопее, — вот этот мелеховский двор, здесь его обладателей, их характеры и судьбы, окружающая земля, крестьян-

ский труд — это и есть самое главное, центр и суть бытия, что нет ничего ни "над", ни "под" более значительного, что все исходит и все возвращается к нему, что ради этого мира готовиться и свершется революция, что именно этот мир готовится в революционной борьбе старей, несправедливый строй. Такое видение было заявлено и отчасти реализовано А. Толстым в "Войне и мире", получило развитие в разной мере и качестве у Э. Золя в "Разгром", написанного историческими головами И. Вазова, А. Ирсена, романах-эпопеях И. Андерсена-Нексе, Р. Роллана, было утверждено и многообразно воплощено Горьким и другими советскими писателями 20-х годов. Но полная его реализация умиралась в коренные противоречия классовой борьбы и ее искренности. Закабаленный народ не мог осознавать себя социально и исторически. Это делала за него передовая демократическая культура. Этим и, конечно, субъективными факторами: не достигнутым знанием народа и малым опытом его изображения — объясняется то обстоятельство, что реалистическая эпопея возникает и развивается на основе "мифа народной" именно как по преимуществу мифу идею, тогда как самый народ непосредственно оставался фоновым, а не в центре внимания, находясь за сценой. При всех возможных отборках и уточнениях о месте и роли народных типов в той или иной эпохе, в том числе и в "Войне и мире", можно тем не менее сделать определенный вывод: почти во всех романах-эпопеях XIX-XII вв. наша волевыми условно-философская рефлексия предовой культуры на проблему народа как главную проблему времени. Осмысленный путь народа к сознательной исторической деятельности — литература постепенно накапливала опыт, и процесс "вхождения" народа в эпопею, растянущийся на многие десятилетия, закономерно завершился в творчестве Шолохова, обобщившего предыдущие наработки уже не на материале освободительной войны / как Толстой, Золя, Вазов / и не в ходе подготовки революции / как Андерсен-Нексе и, особенно, Горький /, а в период самой революционной бури, когда народ совершал свое величайшее историческое действие. В "Тихом Доне" впервые в рамках эпопеи, крестьянство, народ осмысленно и конкретно изображается как главное содержание бытия и одновременно как основное лицо повествования. Этот сдвиг определил практический шаг к открытию Шолохова, расширившие возможности литературного жанра и всей современной литературы.

Самым наглядным из этих открытий явилось необычайно полное и поэтическое изображение крестьянской жизни, создавая которому "Тихий Дон" воспринимается как чудо, как самоцветный утес, как,

по словам А. Толстого, "начало новой народной прозы".¹ Э прозаическая предшественников и общинности последователей Шолохова по жанру народная жизнь и даже массовые движения изображаются более тесней частью не прямо, но через воспринимательнее индивидуальное сознание сложного в центре героин-дворянина или героя-интеллигента, дополненного авторскими размышлениями и специальными философскими отступлениями, распределенными светом и темнотой, лирикой и сатиры и т.д., но так или иначе выражающих взгляд на народ со стороны, как бы вновь невидимую пленку, преодолев которую не всегда удавалось даже великими, и это составляло драму их жизни и творчества.

В "Тихом Доне" нет философских рассуждений о народе. На это — полных просторах повествования народ выступает без посредника, самостоятельно, в прямом и простом изображении, как в древней эпопе. Произошло то, что лучше всего определяется понятием "эстетический взрыв". В эпоху эпической овещения крестьянская жизнь, быт и нравы, патристический быт, судьи и правники, земля и небо, травы и воды, устный поэтический культура народа, его язык — вдруг представали в небывалой значительности, глубине и красочности. Все то, что в течение веков и тысячелетий накапливалось народом и не находило выхода, будущим приданным работам и отодвинутом от стокривой дороги прогресса, внезапно просудилось, оспирмилось, овеетилось ярким, праздничным светом и слышало гласом разливом народных деяний, страстей и красок. Поэтому нельзя говорить об "Облагодичестве", экзотике или этнографичности Шолохова — кого пронаведения. Или утверждать такое, как писала английская газета "дейли Теральд": "Тихий Дон" обязан во всем старой безразличной земле и ничем не обязан новой эпохе".² Такое можно сказать о крестьянских романах Григоровича, Леонова, Балызака, Золя, Реймонда, но никак не о книге Шолохова. "Тихий Дон" именно всем обман новой эпохе. У Шолохова, благодаря революционному освещению, крестьянская тема, наконец, перестала быть ограниченной, узкой, этнографической, более того, она перестала быть крестьянской, приобрела звучание общенародное и общечеловеческое. В "Тихом Доне" все укоренено, все дышит первоизданной мощью, во всем ощущается неограниченность силы. Эстетически, как конечный существование, шолохов описывает каждое, даже малое проявление народной жизни, приповторно, приходит в мир однажды и имеет право на полное проявление своей сущности.

полное выявление народного бытия позволило вернуть эпопейному

жанру стихий народного снега как лучшего эстетического средства проявления жизнестойкости и оптимизма масс. Комическое таково ро- да отсутствует в современных интеллигентных эпосах; нет его и в "Войне и мире", пронизанной духом великого нормализаторства.

Д. Кименко, Д. Ершов и другие исследователи указывают на ши- рокое использование Шолоховым традиций древнего эпоса, вошедших в "Тихий Дон" отчасти через посредничество Толстого как автора "Та- раса Бульбы", фольклора и даже мифологии. Богатство и емкость до- стигнутого сингеза определены эпическим замыслом писателя. Эпос не утверждает единство национальной и всемирной истории. Данная эпо- ха омысливается в этом жанре как часть целого, как этап всеобще- го развития. Поэтому каждая значительная эпопея, по существу, игно- рит все предшествующее художественное развитие, включая сказочные проделы человечества. В "Войне и мире", "Визит к бабушке", "Дане Кривошею", "Докторе Фаустусе" исследователи обнаруживают синтез практически всей культуры, многих художественных систем. Закономерно, что Шолохов, подытоживая исторические судьбы древ- нейшей части человечества, обращился к традициям начальных форм искусства, причем - в отличие, например, от Т. Манна, взял их в несомненной позднейшими переосмысленными первоэпическими - как естественное проявление народной жизнедеятельности. В этом же объ- явлении того, что Шолохов избежал манерности и стилизации, которые были свойственны писателям XIX века /Левкову и советской литерату- ре 20-х гг. / "Уржангатамань проза" /. Натуральность восприятия того, художественного опыта древности обнаруживается в том, что Шолохов, по наблюдениям Д. Кименко^{5/} и Н. Драгомйрецькой^{6/}, использует не столько заготовки и отдельные приемы мифологии и устного народного творчества, сколько самые их принципы. Например, фольклорный при- нцип обозначения момента рождения слова-образа или мифологический способ отождествления человека и природы, который писатель соеди- нил с метафорическим изображением, разработанным письменной лите- ратурой. Возникшая кир, как и другие советские писатели эпохи революции, как бы возникающим заново, Шолохов воспринял это ро- дение как проуждение и обновление духовных и эстетических ценно- стей народа. Стояла необычайная красочность и свежесть шолоховско- го слова, с которой сравниться может только разве поэзия Евнина. Переоценить шолоховский "прямой" принцип изображения, такой, каже- тся, простой и самоочевидный, невозможно. Все, даже великие худо- жественные миры /кроме горьковского/ как бы потеснились, уступая дорогу художественному миру более могучему, более яркому, более

древнему и одновременно более молодому.

В "Тихом Доне", как ни в какой другой эпопее, много след, оче- видных следов влияния эпоса, крестьянской косности, погружа- ющих трагедий, картин массовых истрепаний и подробно описанных смертей многих героев. Некоторые это путает, книгу называл без- жалостной, беспощадной, жестокой, мрачной, ужасной. Характерны здесь высказывания английской газеты "Филд": "В "Тихом Доне" пре- лит братоубийственная война - деревня сражается с деревней, брат восстал против брата. Несомненно, это дело такое жестокое и ужа- сное, что маловероятно, чтобы оно выявило наилучшие качества в че- ловеке. Вследствие этого... "Тихий Дон" - мрачная, ужасно мрачная книга"^{5/}. Все это, конечно, глубоко неверно, грубо искажает су- щность шолоховского реализма - реализма сурового и бесстрашного.

"Тихий Дон" по глубине социального анализа не противостоит другим романам-эпопеям, в которых в соответствии с требованиями этой конкретный формы реализма также носит итоговый по отно- шению к классовой цивилизации характер, он беспощаден и трагедичен. Достаточно вспомнить здесь трагедийный накал "Хазы и сланы" Я. Дивашевича. В принципе не противостоит книга Шолохова другим эпо- пеем и в плане изображения слезных, негативных сторон народа. Ира- да, в отличие от других жанров реалистической литературы прошло- го, в которых темные стороны крестьянской жизни изображались до- статочно правдиво, а иногда и натуралистически догматно, в жанре эпопеи критического реализма народные массы нередко идеализиро- вались, поскольку исконный идеал общественной гармонии был далек и абстрактен. Тем не менее и в таких произведенных народом изобре- жениях не идеализно, как в древней эпопее - впервые самоозеркам- шим свое национальное бытие, а реалистически: угнетенным, отго- роженным от культуры, исполненным предрасудков. Такой народ чу- ждается в просветлении, более всего во встрече с революционными идеями, в развитии в каждом личностного начала, т.е. во всем том, что выработал прогресс и что в силу противоречий классово-антга- нистического общества накапливалось у предшественников наших клас- сов и затем привносилось в народ массы. Рисуемая в романах-эпопе- ях переходная эпоха шире образа народа, историческое здесь больше традиционно-эпическое. Вот почему абсолютная народная основы романов-эпопей ведет на деле к утрате и удалению зарисованной писателями картины вхождения народа в современную историю. Как ни поэтизирует Д. Толстой патриархальность крестьянства, идея разви- тия, стремления народа к лучшей доле и осмысленному существованию

в "Жизне и мире" ему не чужда. Она реализуется в изображении духовного пробуждения народа в ходе Отечественной войны, а также в характеристиках передовых людей, развитие которых направлено к сближению с народом и одновременно вытесняет политическую эволюцию к декабризму, вымещая отношение к судьбам всей нации. В романах-эпопеях социалистического реализма соединение народа с марксизмом, движение к социалистической революции рисуются, особенно у Торгачева и Шолохова, как величайший в истории сюжет и обобщение. Революция изображается здесь как результат смятения политических идей социализма — главного мота мировой культуры — с трудовыми массами, а не только в имманентном развитии последних. В "Жизни Ильма Самгина" трезвость и суровость анализа народной жизни выражена в проблематике и сюжете: подлинный облик народа постепенно вырисовывается в результате столкновения разнообразных концепций его, илимики и выдумок о нем.

Шолохов, можно сказать, окончательно преодолевает идеализацию народа, поскольку он изображал решившийся народ в крестьянстве, самой отсталой и консервативной части народа, в момент революционного взрыва, когда практика революции до конца обожгла противоречия и теневые стороны мелкобуржуазных слоев общества, а с другой — со всей остротой обнажила зависимость судьбы самой революции от позиции среднего крестьянства. Острейшее и опаснейшее за весь историю заблуждение народа, ведущее его к саморазрушению и угрожавшее обществу, Шолохов рассматривает обстоятельно, всесторонне, эпически, и это сообщает его реализму дополнительные сравнения с предшествующими, социальную зоркость, суровость, мужественность, стократную меру правды. Заслуга писателя состоит в том, что он, проанализировав столкновение подлинных классовых сил во внутреннем мире крестьянина как противоположность негативных и позитивных сил предшествующей истории, представил всемирно-историческое заблуждение части донского казачества как самую горькую трагедию, которую когда-либо переживало человечество, и выступил таким образом как автор великой гуманистической эпопеи. Возможные здесь сопоставления — "93 год" В. Гюго, исторические записки Пушкина, поэмы Некрасова, Ботушаровский бунт и другие сцены "Жизни и мира", Додынка и Кривавое восстание в "Жизни Ильма Самгина", трилогия А. Толстого /изображение крестьян-участников контрреволюционных мятежей/, "Семья Тибо" М. де Гара /осмысление народа в I-й мировой войне/, осмысление русским обществом причин поражения крестьянских восстаний Разина, Пугачева и т. д. — ука-

завл и на принципиальное новаторство Шолохова, и на то, что писатель развивал демократическую и марксистскую мысль, которая — в противовес буржуазной историографии, идущую в массах слепую, все разрушающую силу, — рассматривала участие такой-то части народа в реакционных движениях как трагическое заблуждение, т. е. ту-манитическим.

Новая мера правды, которую достиг Шолохов в изображении духа истории, помогла ряду писателей с большой художественной силой осмыслить сходные с донской ситуацией драматические события не столь далекого прошлого. Но-шолоховски, как о трагическом заблуждении определенной части народа, рассказал венгерский писатель Й. Дарваш в романе "Пьяный дождь" и Анна Зегерс в романе "Доверие".

В романе-эпопее столкновение антономистических сил истории осмысливается как противоположность сил личностных и антимличностных, а самый вопрос о путях развития личности, и даже — быть ей или не быть — вырастает до грандиозных масштабов, равновеликих изображению в повествовательных судьбах истории, революции. Движение частного лица, "романического героя" к народу как единственная возможная разрешить гордиев узел напильником противоречий, обрести цельность и этическое бытие — главная проблема и основная плоть романа-эпопеи. Но здесь и их границы. На осознание великой необходимости ихождения по мукам уходят все духовные и физические силы героя, вся его жизнь. Переходность — коренная черта этого героя и выходящая особенность романа-эпопеи.

Находящийся в центре "Григория Доне" Григорий Мелехов не меньше, а возможно, большее художественное обобщение, чем герои других романов-эпопей, поскольку в его характере и судьбе воплотились судьбы и противоречия самой большой и самой древней части человечества. Как художественный тип Григорий Мелехов встал в один ряд с образами Одиссея, Дон-Кихота, Гамлета, Фауста, героев А. Толстого, Горького. Вместе с тем он резко выделяется из этого ряда, так как представляет демо. Можно сказать, что в образе Григория Мелехова завершились усилия литературы по созданию яркой и глубокой индивидуальности из низов, впервые ни в чем не уступающей верхнему возмозности и проявлению героев, предстательных верхних слоев общества. Личностное в Григории Мелехове, как и у героев А. Толстого, М. Горького, Р. Роллана, Н. Машкевича, А. Толстого является результатом его выхода в большую историю. Но в отличие от них, индивидуальное в Григории более много, оно только что родилось в ходе революции, которая впервые предоставила человеку из народа возмоз-

ность осознавать и проявить себя в качестве субъекта истории. Враждебные силы внутри и вне Трипории постоянно угрожают уничтожить индивидуальное в нем, и эта постоянная угроза сообщает движению личности начала в герою Шолохова особую пронзительную остроту носталь, достигавшую своей кульминации в трагедийном и лирическом педесе финала эпопеи.

Дворянскими героями Л. Толстого и героями бодрости других романов-эпопей предстало "выломаться" из своего состояния. Остава важнейший и наиболее разработанный пласт подобных повествований, определенный как диалектика души процесс поисков героями общего смысла жизни, народной правды, т.е. внутреннего преодоления пределов своего частного существования. Трипория Мелехову предстало не столько выломаться из своего класса, сколько, так сказать, "выбраться" к своей подлинной сущности. Поэтому содержанием шолоховского психологизма является изображение того, как в ходе революции в Трипории Мелехове и других народных героях трудно и мучительно преодолевается, "отслаиваются" негативные черты, призывающие крестянину веками рабства и темноты. Следя во многом за Толстым, под поворотом многовековых исканий Шолохов обнаруживает в народном характере основополагающие человеческие ценности: трудолюбие, органическое чувство справедливости и добра, целостность натуры, силу и яркость страстей, ощущение единства бытия, единность с миром природы, коллективизм устремлений, свой мудрость и естественных правды жизни, выработанных опытом поколений. Все эти ценности в анализе Шолохова как бы старше классовой цивилизации, под влиянием революции они возрождаются и обновляются как естественно-трудовая основа нового, социалистического человека. Тем самым Шолохов-психолог раскрывает революционное в человеке в его общенародном проявлении и наследствие этого общенародное — впервые с такой потрясающей силой — предстает как общечеловеческое. В раскрытии и утверждении такого сочетания человека в революционных бурях рождающегося нового мира заключается своеобразие шолоховского гуманизма.

Как известно, И. Толстой и некоторые другие предшественники и последователи Шолохова по жанру раскрывали неполноту жизни своих героев в их противопоставлении естественным и заданным началам народной жизни, в антиэпизодической и поступка, духа и плоти, культурного и первоэпического. Наличие такой антиэпизодической неохолмности ее преодоления. Шолохов в полной мере воспринимает то-деповскую "диалектику души" как принцип анализа сложного ищущего

характера, но основной формой такого анализа у него выступает диалектика действий и широкая гамма средств раскрытия внутреннего мира через внешние проявления. Тем самым Шолохов и здесь как бы возрождает прямой способ раскрытия человека, свойственный древней эпопее, объединяя его с традициями толстовского психологизма. В последние годы исследователи /Н. Дрягошницкая, Л. Киселева и др./ обнаружили в "Лихом Доне" еще более "древние" пути воссоздания душевной жизни человека. Это фольклорный принцип взаимоотношения человека и природы на основе их тождества и взаимопролонжения и "хоровое начало", когда герой судит голос народа, голос самой жизни. Синтез разнообразных художественных средств воссоздания психологической жизни показывает, что Шолохов — всегда за разнородным человеком в революции — в значительной мере утрачивает антиэпизодическое и внутреннее, действия и рефлексии и тем самым развивает тему необходимости достижения гармонии человека и мира, лежащую в основе всех романов-эпопей.

Сегодня многие художники социалистических стран, а также молодых литератор Латинской Америки, Азии, Африки идут дорогой, проложенной Шолоховым. Содержанием их творчества является изображение того, как в ходе национально-освободительной и революционной борьбы расстает индивидуальность простого человека, и как благородно взаимодействуют в нем, взаимобогащаясь, родовые черты национальной психологии с чертами современными.

Таким образом, как провозвещение, в котором наиболее полно, раскрыт главный "предмет" эпопейного жанра — народ, "Лихий Дон" занял вершинное место в эволюции романа-эпопей XIX—XX вв., и в этом своем качестве оказывает большое, все возрастающее воздействие на мировое искусство. В то же время его нельзя противопоставлять другим разновидностям жанра, например, интеллектуальной эпопее. Романы-эпопей Торьного, Роллана, Т. Манна, Я. Пашкевича воплотились в социалистическом мире благоприятному взаимодействию народа и культуры. Объединение художественных традиций и возможностей этих начал — основная закономерность социалистического искусства. Тем более было бы названо противопоставлять книгу Шолохова "Войне и миру". Несмотря на то, что в основе эпопей Толстого лежат идеи о возможности примирения антагонистических классов, страстная устремленность к социальной гармонии позволила ему с такой силой преобразить обновляющие последствия погружения человека в море народной жизни, раскрыть такие глубины человеческого духа, устрем-

ленного к общественным и эстетским абсолютам, что "Родина и мир" была и остается близкой духовному прогрессу революционного столетия. Именно поэтому Шолохов более всего опирался на опыт Голдстоуна, развивая этот опыт, и сегодня "Тихий Дон" и "Линия и мир" стоят рядом. За пределами романа-эпопеи — как жанровой разновидности, отразившей путь человечества от неэпического состояния мира к состоянию подлинно эпическому — развивается в творчестве Шолохова, Леонова, Федина, Симонова и ряда других писателей социалистического реализма новая разновидность монументальной художественной формы, с новыми канонами содержания и специфической поэзией. В центре наиболее известных ее образцов — "Русском лесу", Л. Леонова, трилогии К. Федина и К. Симонова, незаконченном повести Шолохова "Они сражались за Родину" — находится социально-экономический и свободный народ, творческий гармонический мир и зашифрованный его. Формирующаяся на наших глазах эпопея развитого социалистического общества бросает дополнительный свет на эволюцию романа-эпопеи с ее проблемами великого перехода и место в этой эволюции "Тихого Дона".

1. Социалистический реализм и классическое наследство. М., 1960, стр. 340.
2. Слово о Шолохове. М., 1973, стр. 418.
3. О стиле Шолохова. В кн.: "Теория литературы", т. 3, М., 1965.
4. Проблемы художественной формы социалистического реализма, т. I, М., 1971.
5. Слово о Шолохове, стр. 431.

LUBELSKIE MATERIAŁY NEOFILOLOGICZNE—1975

Jerzy Duszek

The Concept of the Narrator in *Wife to Mr Milton* and *Count Belisarius* by Robert Graves

The two works by Robert Graves, *Wife to Mr Milton* and *Count Belisarius*, are books of hybrid nature. Although it is difficult to ascribe them to some literary genre, it can be easily noticed that fiction prevails in both books. Among many devices of fiction that are used by Graves, the first reason narrator seems to be the most important one. The importance of the category of the narrator is pointed out by Michał Głowiński in one of his essays in *Sty. Wydziałowe*, where he states that the choice of the narrator influences the remaining categories.¹ This remark is also true about the two books discussed here.

The first book is devoted to the private life of Milton and Marie Powell — his wife. The author is interested here in the questions concerning their reasons for getting married and their life together. Milton's poetry or political problems of the epoch are not important.

The other book is much more typical of Graves whose interest in the ancient times is well-known. The scope of the narrator's observation is much wider here than in the case of *Wife to Mr Milton*. In *Count Belisarius* historical, military and social problems are of great importance. The difference between the two novels explains the use of two different narrators, a narrator-insider who is also a fictitious character in *Wife to Mr Milton* and an objective narrator-observer in *Count Belisarius*. This paper is to show the connections between the narrators and the character of the two books.

The narrator in *Wife to Mr Milton* is Marie Powell. The title of the book explains who Marie was and the subtitle /*The Story of Marie Powell*/ gives her name. This suggests that Marie will be the subject of the book as Milton's wife.